

Татьяна
Веденская

Татьяна
Веденская

СПОНСОР, ИЛИ МУЖ ОБЪЕЛСЯ ГРУШ

—
роман

Москва
2015

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В 26

Оформление серии *С. Груздева*

Издание осуществлено при содействии
литературного агента *Н.Я. Заблоцкиса*

Веденская, Татьяна.

В 26   Спонсор, или Муж объелся груш : роман / Татьяна Веденская. — Москва : Эксмо, 2015. — 320 с. — (Позитивная проза Татьяны Веденской).

ISBN 978-5-699-80128-2

Эх, кабы знать Маше, чем закончится ее семейная жизнь, о которой столько мечталось, десять раз бы подумала — стоит ли вступать в брак! Выставил Машу с дочкой муж за порог, и оказались мать и дитя у ворот родительского дома. Но любовь зла, и Мария готова сделать все что угодно, лишь бы вернуть супруга! А стоит ли оно того, девочки? Время покажет...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-80128-2

© Саенко Т., 2015
© Оформление. 000 «Издательство
«Эксмо», 2015

*Посвящается: себе самой; Насте М.;
всем тем, кого не миновала чаша сия*

Часть первая

Я И НОВЫЕ ВОРОТА

ГЛАВА 1

ЧЕМОДАН, ВОКЗАЛ, ЯРОСЛАВКА

Зовут меня Маша Киселева, мне двадцать пять лет, и я — мать-одиночка, пребывающая в состоянии развода, хотя еще вчера все это было не так. Еще вчера у меня имелась семья, пусть не образец для подражания, ибо не дружная и не счастливая, но все-таки семья. И какая-никакая, она не должна была взять и просто так развалиться на ровном месте. Я оказалась к этому не готова, особенно теперь, когда все зашло так далеко. Вчера у меня был муж, который не очень-то меня любил, но которого я любила за нас обоих, и ребенок, дочь Сонечка, которую, если верить словам, любили все.

Да, и еще у меня была свекровь. Если бы меня попросили в нескольких словах сказать, в каких отношениях я состояла с моей, теперь уже бывшей, свекровью, я бы, недолго думая, ответила, что она всегда относилась ко мне по-человечески. Насчет остального можно поспорить, но вот свекровь — да. По-человечески в чистом виде. Она,

можно сказать, даже меня как-то любила, хотя поводов у нее для того, признаться, особенно и не имелось. Не за что, прямо скажем, меня любить. Не пара я была ее сыночку, да и вообще... Просто она вот такой хороший человек, с чем я лично долгое время даже не пыталась спорить. Единственное, что меня немного смущало, так это с каким энтузиазмом она сама постоянно кричала на всех семейных мероприятиях, как по-человечески она относится ко мне. Выглядело это так, словно относиться ко мне по-человечески было делом сугубо тяжелым и практически невыносимым.

Когда мы с Денисом, ее сыном и моим, соответственно, мужем, только поженились, она любила подчеркнуть, что хоть весь наш брак и есть сплошное недоразумение, она будет терпеть, потому что такой уж она человек хороший. Бывало, соберутся всякие там родственники да приятели ее, усядутся за столом в гостиной и начнут лясы точить. Как да что, молодые-то не мешают? Как невестка — не свела еще с ума? Свекровь моя, дама высокоинтеллигентная, вздохнет долготерпеливо, пожмет плечами округлыми, откинёт с лица белые волосы, крашенные, конечно же, да и скажет:

— Маша, конечно, не пара Денису, чего уж там. Но девочка она неплохая, нет. Я всегда стараюсь относиться к ней по-человечески, жалко мне ее, ведь вот кулема, все из рук валится. Буквально. Пытаемся как-то ее воспитать, но гены-то свое берут.

— А что же с генами-то? Вроде из хорошей семьи, — удивлялась родня. Та ее часть, которая была еще не в курсе по каким-то странным причинам. Может, только что вернулась с Дальнего Севера, там по радио пока не передавали, что не так с моими генами. Или прилетела с Луны, с той, с другой стороны. Остальные все уже знали, что со мной не так, правда, от этого их интерес не уменьшался.

— Да что вы. У нее папаша-то из этих, черных... — шепотом добавляла свекровь, якобы чтобы не задеть моих чувств. Шепот ее, конечно же, был мне прекрасно слышен, но главное-то не это, главное — соблюсти приличия. В общем, после соблюдения приличий эта тема обсуждалась уже без стеснения.

— Из каких черных?

— А, я не знаю точно. Азербайджан или что-то такое, — еще тише шипела она, закатывая глаза. Это было не совсем верно, мой папа — грузин по происхождению, о чем свекровь отлично знала. Да, действительно, так случилось, что мой папочка родом из Тбилиси, отчего, правда, он не становился ни хуже, ни лучше. Папа и папа, только разве что сказки на ночь читал мне с акцентом. А жил он в Москве уже лет сорок, если не больше, еще в институте женившись по большой любви на русской девушке Светлане, моей маме. Из-за чего, собственно, и был разорван родственный круг. Тбилисская родня не приняла его русской жены, так что пришлось ему осесть

на московской земле, среди холодов и серого неба. Он не стал делать из этого большого события, не обернулся назад ни разу, взял фамилию жены и принялся строить свою жизнь здесь. Небезуспешно.

— Нет, он, конечно, доктор. Хирург, работает в Бурденко, — словно бы оправдывалась свекровь за совершенный ее сыном мезальянс. — Только что там говорить. Все равно воспитание специфическое. Вся эта кавказчина.

— А по виду даже и не скажешь, — удивлялись все. — Такая... русская по внешности. Ни акцента, ничего...

— Откуда же быть акценту, она же здесь родилась, — поясняла моя свекровь, пожав плечами. — Ладно, что там говорить. Живут пока, и ладно. Девочка неплохая. Домашняя девочка. Только вот Денис... зачем ему это? Я-то потерплю, раз его такое решение. Надо относиться друг к другу по-человечески.

— Хороший ты человек, Ядвига, — задумчиво кивали родственники, закусывая холодцом. Холодец моя свекровь варила знатный, тратила на это целый день. Холодец, пироги, макароны... Свекровь готовить умела, а я — нет. Еще одно очко не в мою пользу. Кстати, об очках — это Денис придумал, почти сразу после свадьбы, ставить оценки всем моим действиям, от того, как я застилаю кровать, до пригоревших котлет. О котлетах — это я в буквальном смысле. Однажды я решила приготовить ему котлеты и даже спросила у его мамы, как лучше их

делать. Она дала мне рецепт, дала и продукты. Мы тогда едва месяц как поженились, кажется. Только-только вернулись из свадебной Турции. А котлеты сгорели, покрывшись черной коростой, я даже сама не поняла, как именно это произошло. Вроде бы я следила. Вроде бы стояла тут рядом, но через секунду обернулась, а из сковороды валит дым. Естественно, результат оказался плачевным. Денис посмотрел в тарелку, закономерно скривился, выразительно вытаращился на меня и спросил:

— Это же не съедобно?.. Даже не двойка!

— Прости. Я не привыкла к газовой плите, — чуть не рыдала я, понимая, что так сердце мужчины, о котором мечтала столько времени, не завоевать. А он, Денис, посмотрел сквозь меня, зная, что от этого я расстроюсь еще больше, и закричал:

— Мам, у нас есть что-то поесть?

— Конечно, сыночек. Будешь запеканку? Или тебе омлетик сделать? — Ядвига Яковлевна, победно проплывая мимо меня, занимала собой всю кухню, а я, разгромленная, уходила в комнату лить слезы. С тех пор и повелось. Что бы я ни делала, он ставил мне двойки.

— Опять двойка? — пыталась пошутить я, но Денис с серьезным видом втолковывал мне про долг жены, про то, как невыносимо плоха я, с какой стороны на меня ни посмотри.

— И не надо только реветь, — злился он, если я вдруг не могла сдержаться при нем. Я старалась, но иногда сле-

зы просто лились сами собой. Ведь я любила его, любила очень сильно, хотела сделать его счастливым, но как? Я же не красавица, не модель — невысокая, круглолицая Маша. Мне вообще повезло, что он почему-то посмотрел в мою сторону. Потому что таких, как я, миллион, а таких, как мой Денис — высоких, красивых, умных, решительных, — я таких вообще больше не видела. И вот что бы я ни делала, ничего у меня не получалось. Мне и хотелось как-то отогнать эту мысль, но факт был, что называется, медицинский. Не сразу, не на следующий день после свадьбы, но очень быстро я поняла, что разочаровала его.

— Я люблю тебя, — только и оставалось мне шептать при взгляде на его красивый профиль, на строгое даже во сне лицо.

— Я знаю, — кивал он. — Ты не могла бы дать мне поспать? Мне завтра на работу.

— Хорошо, конечно, — кивала я, закусывая губы от отчаяния. В такие моменты я была уверена, что мы неотвратно движемся к концу, как бы я ни старалась его оттянуть. Я пыталась что-то изменить, стать лучше, быть такой, какой он хочет видеть меня. Я готовила еду строго по рецептам его мамы, но, конечно же, она выходила не такой, как надо. Тогда я перестала ее делать, только бегала по магазинам, покупала то, что требовалось свекрови. Тут, конечно, тоже не обходилось без промахов.

— Ох, кулема ты, что ж это за картошка. Надо было брать тамбовскую, она лучше всего. Я же тебе говорила.

— Это тамбовская.

— Да какая это тамбовская, это небось мытая голландская дрянь. Ладно.

— Может, сходить и вернуть? — предложила я, хотя идея тащить обратно на рынок эти пять кило меня не вдохновляла.

— Можно и сходить, — одобрял Денис, но Ядвига вмешивалась и останавливала меня.

— Ладно, используем и эту, — вздыхала свекровь. Всем своим видом она давала понять, особенно Денису, что заниматься моим «воспитанием» ей тяжело, но приходится.

— Ты понимаешь, что маме тяжело? Ты должна ей помогать, — сердился Денис. — Ты эгоистка. Зачем тогда было выходить замуж, если ты все повесила на плечи моей мамы?

— Я помогаю, — кивала я, хотя не совсем улавливала, в чем конкретно я виновата. Честное слово, кажется, Денису угодить было нельзя. Ему не нравилось все. Как я веду себя, как я шучу, как держу себя в обществе его друзей.

— Что ты все время тащишься за мной? — спрашивал он. — Могу я просто сходить к своим друзьям? Что, если я женился, я должен везде быть только с тобой? Ты уж извини, но ты бы лучше сначала научилась себя вести.

— Я не умею себя вести? — удивлялась я. Выяснялось, что да, на его взгляд, держать надо себя по-другому. Тогда я перестала шутить в обществе его друзей, потому что, и это правда, шутила я часто глупо и не к месту. Я оставалась дома, чтобы ему не мешать, потому что ему не нравилось, как я выгляжу, как одеваюсь. И хотя я носила ту одежду, которую, как ему кажется, следовало, она все равно меня портила, или я ее, что даже более правильно.

— На тебя что ни надень, все или висит, или топорщится, — удивлялся Денис, когда я пыталась как-то приодеться.

— Просто у меня неправильная фигура, — защищалась я.

— Тебе надо похудеть. И не надевай платьев, если уж Бог не дал красивых ног. При таком маленьком росте тебе просто нельзя иметь такие бедра, — объяснял он. — И осанка, что у тебя со спиной? Ты горбишься, как карлик.

— Ты считаешь? Похудеть? Ладно, я попробую, — согласилась я, хотя даже не представляла, как это осуществить. Впрочем, делать ничего не пришлось. И вот по какой причине. Примерно после года нашего семейного и внесемейного счастья случилась со мной, так сказать, ситуация. Я бы ее назвала «ненарочное зачатие», потому что при всех прочих равных факторах иметь детей — это было последнее, что мне могло прийти в голову в тот мо-

мент. Наш брак висел на волоске, и я не то что о ребенке не думала, я занималась только тем, чтобы этот волосок не накрылся медным тазом. Стояла, не шевелясь. А тут это.

— Что? Беременна? — с интересом отреагировал Денис. — Ты уверена?

— Не знаю, как это — считается? — любопытствовала я, протянув ему сразу три теста для определения проблем.

— Н-да, — почесал в затылке он. — А две полоски — это, значит, попал?!

— Куда попал? — смутилась я.

— Даже не знаю, — как-то легко отреагировал он. — Потянем ли мы? У меня на работе проблемы, сейчас не самое лучшее время. А тебе, если уж ты будешь это... ну...

— Рожать?

— Да. Придется с работы вообще уйти. На какое-то время.

— Это да, — пригорюнилась я, понимая, как не радуется эта перспектива Дениса. Моя зарплата была ему как родная, он к ней привык, он с ней сжился, он любил ее, наверное, даже больше, чем меня. Я работала в одной частной клинике, где папа иногда практиковал, секретарем в приемной заведующего отделением. Оклад мой был не так чтобы очень велик, зато премии ничего.

— А ты говорила с мамой? — все еще мрачно-туманным голосом спросил он.

— С мамой? — удивилась я. У меня и в мыслях не возникло, что нужно было это сделать. Как вы себе это видите? При чем тут мама вообще? — А с чьей мамой я должна была говорить?

— Да уж не с твоей, — фыркнул он. Его отношения с моей мамой всегда были весьма специфичны. Он считал, что она, моя мама, и в подметки не годится его Ядвиге, хотя бы потому, что моя мама пошла на сделку с природой, выйдя замуж за... ну вы знаете за кого. За черного!!! Вах!!! А его мама растила его совсем одна и пожертвовала ради его, Денисочкиного, будущего своей личной жизнью. Все отдала материнству, ничем не попрекнула, хотя его отец и оставил ее, Ядвигу, одну в самом расцвете лет.

— А при чем тут наш ребенок и твоя мать?

— Или ты думаешь, что можешь принимать это решение сама? — возмутился Денис.

Далее я выслушала его мнение о том, какая я эгоистка и как не ценю всего того, что его мама делает для меня. И что если уж на то пошло, то я должна сама подумать, какая из меня мать. Если я не могу чай заварить так, чтобы его не разлить, что я буду делать с ребенком.

— Я так и вижу, как ты забываешь ребенка где-нибудь в супермаркете, потому что тебе позвонила твоя мамаша и ты с ней заболталась, как всегда.

— Так что, не надо ребенка? — уточнила я с полнейшей готовностью исполнить любую его волю. Мне было, по большому счету, все равно, что он решит, лишь бы он

был счастлив. Правда, ребеночек... мысль о том, чтобы получить себе на руки маленького Дениса, мне нравилась. Может быть, хоть его ребенок будет меня любить. Только ш-ш-ш-ш... никому ни слова. Маленькая тайна.

— Ну, не знаю. Давай поговорим с мамой, — пожал плечами Денис. И вот после созыва второго съезда родительской партии (первый состоялся перед свадьбой и прошел крайне неудачно, о чем я расскажу чуть позже) было решено и постановлено, что ребенку быть и саду цвесть. Как именно быть и на какие средства цвесть — в этом родственники путались и давали противоречивые показания. И вообще вели себя весь вечер крайне непоследовательно. Сначала обе наши мамы, моя и Ядвига Яковлевна, в один голос кричали, что мы еще слишком молоды и не готовы, что у меня вообще в голове ветер гуляет.

— Куда ей ребенка?! Это же, вы понимаете, все ляжет на мои плечи, — вздыхала свекровь.

— Мы тоже поможем, конечно же, но все же как-то рановато. Маше еще надо карьеру строить, зарплаты вашего Дениса явно не хватает, а мы с Асланом не вечны, — язвила моя мамочка. Она неприкрыто намекала, что львиная часть нашего бюджета через всякие мелкие подачки поступала к нам из средств того самого... (вах!!!), которого столь неприкрыто презирует Ядвига.

— Потрать это на сэбя, дочка, — говорил папа, засовывая мне деньги в сумку, когда я бывала дома.